

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИЙ

СПАСТИ МИР
В ОДИНОЧКУ

Издательство АСТ
Москва

Часть первая ЗАГОВОР В ВЕНЕЦИИ

Глава 1 УЛЫБКА ФОРТУНЫ

Джузеппе Брандолини и сам прекрасно понимал, что его жилище не подобает графу или, по крайней мере, наследнику старинного венецианского рода, в корнях генеалогического древа которого, бесспорно, имелись графы. Одна спальня-гостиная, широкой аркой соединенная с кухней; без отопления, как и практически все дома в Венеции, от чего осенью и зимой там было довольно прохладно и сыро, приходилось использовать электронагреватель, который Джузеппе далеко не всегда мог себе позволить, и тогда грелся в постели, накрывшись несколькими одеялами. Вполне понятно, что гостей он к себе не приглашал, и обстановка в квартире была соответствующая.

В углу, на веревке, протянутой от стены к стене, располагалась его выходная одежда. Это был смокинг «Хьюго Босс», выдавший виды, но, благодаря качеству материала и стараниям портных, сшивших его лет пятнадцать назад, еще сохранявший условно приличный вид. Рядом висел специальный жилет, идею которого он заимствовал у героя книги «Синьор из общества». В жилете имелись разного размера карманы, некоторые изнутри были обшиты полиэтиленом либо моющейся тканью. Туда он обычно загружал маслины, оливки, рыбу и другие жирные, мокрые или пачкающие деликатесы. Специальные, вытянутые и прочные карманы

предназначались для спиртного. Работать с алкоголем было непросто: например, шампанское «Шандон Моэт» или виски «Гленфиддик» он никогда не брал — не потому, что не нравились, а из-за большой толщины бутылок! Больше всего он любил уносить скотч «Баллантайнс файн». И причина не в сложном купаже со вкусом молочного шоколада, ванили и яблок, а в плоской бутылке, которую можно даже засунуть за пазуху, не вызывая подозрений в том, что он так неожиданно располнел!

Тщательно выбрившись и надушившись хорошим одеколоном, который он покупал всегда, даже когда для этого приходилось жертвовать качеством еды, граф Брандолини надел свою рабочую спецовку, хотя для простых смертных смокинг «Хьюго Босс» считался крутым выходным нарядом, и отправился в городскую ратушу. Торжественный прием давал мэр города. Строго говоря, старый Антонио Серсино не приглашал бывшего заместителя, но Рыбак не страдал особенной застенчивостью или излишней щепетильностью, и хотя прегрешения кишели в нем, как блохи на бродячей собаке, но греха гордыни среди них не было. Поэтому, узнав о мероприятии, он не стал зря обижаться, решив, что отправить приглашение просто забыли, а может, даже посчитали излишним, так как каждому ясно, что без Джузеппе Брандолини список почетных гостей будет неполным и его появление ничего, кроме радости не вызовет.

И он оказался прав: хотя старикашка Серсино поморщился, увидев бывшего заместителя, коллеги встретили его приветливо. Старые сотрудники, с которыми он успел поработать, даже обнимались и троекратно прижимались щеками, вроде скупое, по-мужски, целовались в знак братской дружбы, неистребимой памяти и любви. А все без исключения новички, которым

не выпало счастье совместной работы, о нем слышали. Причем слышали нечто такое, что старались обойтись кивками издали или достаточно быстрым, словно на бегу, рукопожатием.

Джузеппе пришел одним из первых, поэтому вначале заглянул в зал заседаний мэрии, где должно было происходить торжество. Обычная официальная обстановка немного изменилась — стулья расставили вдоль стен, у узких высоких окон, сквозь которые открывался прекрасный вид на бухту Сан Марко с подсвеченной красноватым закатом церковью Санта Мария делла Салютте на заднем плане; так вот у этих окон, напоминающих восхитительные картины Возрождения, сейчас стояли накрытые столы с холодными закусками, обилие которых делало их похожими на многочисленные полотна с пирами Лукулла, только там гости возлежали на мягких ложах, а здесь им придется вкушать яства по правилам фуршета — стоя. И танцующих вакханок пока нет, но за ними дело не станет: после официальной части они появятся для VIP-гостей: бывший заместитель мэра знал это совершенно точно, ибо именно эту линию он когда-то обслуживал на общественных началах за пределами своих служебных обязанностей!

Джузеппе прошел вдоль длинного стола, по-хозяйски его оглядывая, но так, что со стороны казалось, будто он любит замечательными пейзажами за окнами. На самом деле он любовался совсем другим.

— Красный закат! — довольно громко произнес он с явными нотками озабоченности в голосе. — Завтра будет сильный ветер!

Он высыпал в один карман тарелку копченого тунца, в другой — салями, в третий — свежайшую, со слезой, ветчину.

— А я собирался на рыбалку...

Поскольку никто не высказал ему обязательного в таких случаях соболезнавания, он понял, что в выгороженном шкафами углу буфетчиков нет, и предусмотрительно отнес туда опустошенную посуду. На укрытом от посторонних глаз столе лежали запасные тарелки и бокалы, хлеб, длинный острый нож, несколько неоткрытых банок консервов и палка колбасы, которой он уже запасся. Здесь же он обнаружил спиртное: вина, коньяк и несколько бутылок виски. Литровый треугольный «Гленфиддик» он, по известным причинам, оставил без внимания, а «Баллантайн» быстренько засунул в вытянутый карман, пришитый к жилету на левом боку. Бутылка вошла в него легко, как большой пистолет в подмышечную кобуру. Теперь виски был прикрыт рукой и, даже если придется с кем-то обниматься, то вряд ли контрагент нащупает что-либо подозрительное.

Конечно, если бы на мэрском приеме вдруг оказалась завербовавшая его когда-то красотка Кончитина Конте, то она обнимается совсем по-другому и обнаружила бы не только злополучную бутылку, но даже микрофон размером с пиллюлю, куда бы он его ни засунул! Но ни микрофона, ни Кончитины здесь не было. К тому же у Коко была другая специализация, хотя за прошедшие годы она наверняка ее изменила, и если продолжает работу в разведке, то только как аналитик или связник. На роль «медовой ловушки» она уже вряд ли подходит, хотя Джузеппе тоже постарел и не отказался бы повторить тот замечательный вечер, который они провели вместе... Конечно, без ужасного утреннего пробуждения и прочтения своего обязательства работать на иностранную разведку!

На выходе из зала Джузеппе встретил буфетчика Амато с молодым помощником, они тащили две огром-

ные корзины, из одной пахло вкусной едой, а в другой позвякивали бутылки с отменным алкоголем.

— Здравствуй, дружок! — скрывая досаду, поздоровался Джузеппе. — Я, видно, зашел слишком рано!

— Лучше прийти на полчаса раньше, чем на пять минут позже, синьор Брандолини! — вежливо улыбнулся Амато, хотя это была поговорка не для приходящих, а для уходящих гостей. — Сейчас мы нарежем столько вкусных вещей — пальчики оближете! Так что, не опаздывайте!

Коротая время, Джузеппе прошелся по тем кабинетам, где еще оставались его старые знакомые. И он, и сослуживцы были рады встрече, они перебрасывались добрыми словами, предавались приятным воспоминаниям о прошлом, а попутно коварный Рыбак искусно забрасывал удочку с насаженными на крючок вопросами, умело завернутыми в фантики обычной вежливости. Ведь старые друзья должны любезно поддерживать беседу? Так, незаметно, удалось собрать кое-какую информацию — в мэрии работают осведомленные люди...

Но он следил за часами, и когда подошло время, на правах хозяина, пусть и бывшего, вышел встречать гостей. Потому что если своевременно не поздороваться с каким-нибудь высокопоставленным синьором, то впоследствии можешь и не протолкнуться к нему: вокруг важных людей всегда масса проходимцев, желающих свести с ними хотя бы шапочное знакомство, пожать влиятельную руку или даже выпить, желательно на брудершафт... Себя Джузеппе, разумеется, к таким проходимцам не относил: все-таки он заместитель мэра, хотя и бывший, а для того, чтобы проявлять радушие и гостеприимство, совсем не обязательно иметь в кармане официальную печать учреждения, тут главное — широта души!

Джузеппе занял место в вестибюле как раз вовремя. Первым пришел начальник полиции Альберто Мунти. Это был простоватый на вид, кряжистый мужик с твердым взглядом и решительным красным лицом. Почему-то у всех, или во всяком случае у многих, полицейских красные лица — то ли от долгого нахождения на улице, то ли в результате повышенного давления от нервной работы, то ли вследствие постоянного использования антистрессовых препаратов, которые врачи еще не изобрели, а производители водки, граппы, виски и коньяка — придумали давно... Но у Альберто Мунти имелось в запасе еще одно вполне пристойное объяснение: он увлекался водно-моторным спортом и постоянно объезжал на катере всю лагуну, причем не только в служебное время, но и в свободные часы, а солнце и ветер, несомненно, делали свое дело... Сегодня он был в штатском, и его костюм мог поспорить возрастом со смокингом синьора Брандолини. Эта незначительная деталь выдавала в главном полицейском Венеции честного человека, хотя многие считали, что честность при такой должности трансформируется, приобретает новые качества и превращается в глупость!

Они поздоровались за руку, при этом Джузеппе отметил, что поношенный пиджак Альберто тоже слегка топорщится слева под мышкой, и причиной тому уж точно была не бутылка виски «Баллантайн»... И еще он заметил, что полицейский ему подмигнул. Это можно было бы расценить как фамильярность государственного служащего среднего уровня по отношению к представителю древнего венецианского рода, если бы не одно пикантное обстоятельство: Джузеппе был знаком с Альберто не просто как наследник основателей островной республики — он являлся его осведомителем! Как говорится: привычка — вторая натура: к чему

есть склонность, в том она и проявляется. Может быть, именно это сыграло свою роль в успехе Джузеппе у красотки Коко? И тогда совсем не удивительно, что, когда с ним перестали поддерживать агентурную связь, он нашел аналогичное занятие... Впрочем, в таких случаях никто не знает, что первично, а что вторично, иными словами — как долго Рыбак работал на местную полицию. Здесь у него был громкий и благородный псевдоним «Дож», выгодно отличающийся от сомнительного «Рыбака», особенно в связи со стыдными слухами, которые окружали это прозвище. Если оценивать, какой псевдоним более объективно отражает особенности личности, то следует иметь в виду, что «Рыбаком» Джузеппе обозвали без его участия, а агентурный псевдоним в полиции выбрал он сам. Поэтому он мог назваться и «Императором», и «Шейхом», и даже «Властелином мира»... Впрочем, длинные прозвища неудобны в использовании, да и подписываться ими дольше, тем более что агентурные сообщения обычно пишутся коротко...

— Ты, как всегда, первый гость, Дождь? — тихо спросил Альберто и столь же безошибочно, сколь и бесцеремонно, похлопал его по левому боку.

— О-о-о, я вижу, уже и загрузиться успел! Похоже на «Дезерт Игл» пятидесятого калибра... Мне с моей «Береттой» тут и делать нечего!

— Ладно, ладно, хватит зубоскалить! — отодвинулся с недовольным видом Дождь. — Ты лучше скажи, что происходит? Столько яхт не приходит даже на карнавал или в самый высокий сезон! Да и сегодняшний прием... В честь чего все это?

Начальник полиции пожал широкими плечами:

— Не знаю, мне сообщают лишь то, что я должен знать. Но скажу тебе, что приехали очень серьезные люди, некоторые с собственной охраной... Причем

не частной, а государственной! Понимаешь, что это значит?

— Ладно, познакомимся и разберемся! — ухарски ответил Джузеппе с таким видом, будто ему каждый день приходится сталкиваться с ВИП-персонами. — Какова моя задача?

Альберто усмехнулся.

— По-моему, ты ее уже решил!

— В смысле? — наследник знаменитого рода приготовился оскорбиться.

Полицейский осмотрел его с головы до ног, демонстративно принюхался и уже хотел ответить напрямую, но в последний миг решил не осложнять отношений.

— Ты, в основном, смотри, чтобы сюда не проникли карманники! Еще не хватало, чтобы в мэрии у гостя спёрли часы или кошелек... Или виски и копченую колбасу со стола, — не удержался все же он от подколки и выразительно посмотрел на оттопыривающийся слева смокинг Дожа.

— Ладно, хватит, проехали, — недовольно сказал тот и, не прощаясь, прошел в зал.

Народу постепенно прибавлялось. Многих Джузеппе знал. Это были видные в городе персоны: ювелир, хозяин большого универмага, управляющий банком, владельцы пятизвездочных отелей... Пришли несколько важных профессоров из университета, они держались отчужденно и обособленно, как и священники в черных сутанах. Ну и конечно же было обильно представлено местное начальство: заведующие отделами мэрии, члены муниципалитета, начальник порта, главный полицейский, — в общем, здесь собрались все те, кто представлял собой венецианский свет... Несмотря на ранги, держались все просто: пили вино и виски, жадно закусывали после рабочего дня, ходили по залу

с бокалами в поисках того, с кем хотели выпить, многие, познакомившись, становились в кружок и оживленно разговаривали.

Итальянский язык подразделяется на множество диалектов, среди которых есть венецкий, в свою очередь подразделяющийся на ареалы, и одним из них является венецианский, или «лагунный» венецианский, охватывающий, кроме самого города, часть побережья Венецианской лагуны. Рыбак прекрасно разбирался в этих тонкостях и легко определял, из какой части Италии многие из сегодняшних гостей: из Неаполя, из Флоренции, из Милана и Вероны, были и «лагунные», которых он никогда раньше не видел, очевидно, с частных островов, были иностранцы. Джузеппе с кем-то здоровался, с кем-то знакомился и пытался сойтись поближе — лишних друзей не бывает, а связи многое решают в этой жизни.

Вскоре появилась группа солидных синьоров, явно из Римских коридоров власти, а с ними несколько иностранцев с переводчиками. Они выпили по бокалу вина и погрузились в какой-то серьезный разговор с мэром, начальником финансового управления и управляющим банком. Джузеппе направился к ним, чтобы представиться, но замначальника охраны Марио Пацци — здоровенный сицилиец с красным лицом полицейского и огромным крючковатым носом, будто случайно заступил ему дорогу и едва заметно покачал головой.

«Вот какой ты друг! А сколько партий в шахматы мы сыграли, сколько граппы выпили после работы!» — укоризненно сказал Джузеппе, но неблагодарный сицилиец не покраснел, не потупился, мучимый угрызениями совести, да и вообще никак не отреагировал. Может, потому, что Брандолини произнес эту обличающую фразу мысленно.

Джузеппе раздосадованно отошел и сделал по залу несколько хищных кругов, словно собирающаяся атаковать акула. Несмотря на весь свой жизненный и оперативный опыт, он не мог понять, что за мероприятие собрало вместе столь разношерстную публику. Когда он задал этот вопрос старому Бернардо — действующему заместителю мэра, — тот ответил как-то невнятно: мол, это дублирование обычного карнавала для очень важных гостей. Но карнавалы-то проходят зимой, и никогда их не дублируют! Он несколько раз повторял вопрос, но никто не мог дать четкий ответ. Правда, когда он выловил в толпе уже напивавшегося информацией Альберто, тот добавил, что приехали представители крупных инвесторов, которые могут резко изменить жизнь Венеции. Но подробностей главный полицейский не знал. Или не хотел ими делиться.

Ну, что же... Джузеппе не был очень расстроен: информатору не всегда удается получить результат. Имеется в виду положительный результат, потому что отрицательные всегда имеются в наличии... Причем в большом ассортименте!

Впрочем, за работой не следует забывать о хлебе насущном. Воспользовавшись тем, что все уже насытились и разбрелись со стаканами в руках по залу, беседуя на возвышенные, можно не сомневаться, темы, он прошелся вдоль столов и, заслоня собой происходящее от случайных взглядов, пересыпал в свободные карманы пищевого жилета нежный осетровый балык, аппетитные куски жареной меч-рыбы, свежайший говяжий язык, и что-то еще, что не удалось взять при первом заходе.

Через некоторое время все карманы были заполнены, и несколько растолстевшему Джузеппе, в принципе, можно было уже уходить домой. Поки-

дал общество он всегда «по-английски», а поскольку в его случаях обязательным было еще одно условие, добавочное к общеизвестному, то можно было считать, что синьор Брандолини уходит «по-английски» и «по-русски» — то есть не только не прощаясь, но и без скандала.

Однако в этот раз, галантно пропуская в дверях симпатичную молодую женщину с респектабельным спутником, он почувствовал похлопывание чьей-то тяжёлой руки по плечу. Это обычная манера полицейских и других представителей власти.

«Вот и все! — подумал Джузеппе, медленно поворачиваясь навстречу неизбежному с застывшей на устах нелепой улыбкой. — Сейчас меня тихо выведут из гостевой зоны и разденут где-нибудь в кабинете начальника охраны как мелкого магазинного вора... Позор, стыд, унижение...»

Даже не в самые лучшие времена своей разноречивой жизни он, по возможности, старался помнить о чести и достоинстве древнего рода Брандолини, хотя, к сожалению, в последние годы это удавалось всё реже и реже... Но за руку на воровстве его не ловили! Это не пьяные выходки, не мелкие проказы великовозрастного графа, на которые смотрят с неодобрительным снисхождением, — это бесчестье, которое смывается только кровью! Он вспомнил про маленькую «Беретту», которую с незапамятных времен хранил в примитивном тайнике под ящиком стола...

В последние мгновения растянувшейся секунды, когда он заканчивал разворот к новой, презираемой жизни изгоя и к ожидаемому ощущению холодного дула «Беретты» на седом виске, мелькнула дурацкая мысль: «А ведь сегодня я как никогда много изысканной еды набрал... И «Баллантайна»... Стыдоба-то какая!»

Приготовившись к самому худшему, он был очень удивлён, увидев доброжелательную улыбку на красном лице Марио Пацци. От неё обычно жесткое лицо сицилийца утратило суровость, и даже нос уже не выглядел угрожающе, как клюв грифа.

— Синьор Брандолини, наш уважаемый мэр убедительно просил вас подойти к нему, чтобы познакомиться с наиболее значительными гостями. Позвольте, я провожу вас, — деликатно произнес он.

— Благодарю, Марио, но я как раз шел освежиться. Через пару минут я подойду к моему другу Антонио!

— Буду ждать вас здесь, синьор Брандолини, — охранник наклонил большую голову. Он привык точно выполнять приказы начальства.

— Я быстро!

Джузеппе чуть ли не вприпрыжку бросился в вестибюль. У большого старинного зеркала рядом с туалетами и курительной комнатой он увидел того, кого искал — своего старого приятеля Бернардо Барнаби, который, воспользовавшись отсутствием посторонних глаз, старательно маскировал лысину прядью волнистых длинных волос от левого уха к правому. Увидев Джузеппе, он не прервал своего занятия, подтверждая тем самым, что они достаточно близки.

— Куда бежишь, Джузеппе? Приспичило? — усмехнулся заместитель мэра.

— Ты мне нужен! Срочно! Пойдем к тебе! — Рыбак подхватил Бернардо под руку и чуть ли не силой потащил к его кабинету. Там он быстро выгрузил в холодильник пакеты с колбасами, языком, рыбой, ветчиной и прочей снедью, с сожалением добавил бутылку «Баллантайна».

Хозяин кабинета, изумленно вытаращив глаза, наблюдал за происходящим.

— Да, да, дорогой друг, мне бывает нечего жрать, — пояснил Джузеппе, не прерывая своего занятия. — Пенсию я не заработал, так что приходится перебиваться тем, что удастся добыть. Желая тебе никогда не испытывать тех угрызений совести, которые меня мучат...

— Но ты мог обратиться за социальной помощью...

— Я?! Граф Брандолини?! Не смеши... Завтра зайду заберу... Продуктами можешь позавтракать, но к бутылке это не относится, — сказал Джузеппе, закрывая холодильник. — И смотри, никому не проболтайся, иначе я расскажу синьоре Лауре, да и всем остальным дамам, про твой обман с прической!

Он повесил пищевой жилет, благоухающий копченостями, отварным мясом, жиром и специями за ширму в углу кабинета, где располагался умывальник и небольшое зеркало на стене. Тщательно вымыв руки, Рыбак взглянул в зеркало и удовлетворённо подмигнул своему отражению. Всё-таки не совсем ловко идти здороваться с мэром и важными гостями, распространяя вокруг запахи продуктов — ароматы деликатесов на столе и вне его воспринимаются совершенно по-разному. И со временем эта разница имеет тенденцию усиливаться...

— Будь здоров, Бернардо, поцелуй Люцию и деток. До завтра, дружище! — не обращая внимания на остолбеневшего приятеля, Джузеппе вышел из кабинета.

Он вернулся в зал, к Марио, вновь встретившему Джузеппе доброжелательной улыбкой и почтительно сопроводившему к той группе очень важных гостей, к которой он же не подпустил его получасом ранее. Сейчас охранник был чрезвычайно любезен: двигался чуть впереди, прокладывая дорогу и вежливо, но твердо отодвигая стоявших на пути замешкавшихся рядовых гостей.